

Свѣтлячокъ

1902 г.

№ 14.

Государственная
Библиотека
С
им. В. И. Ленина

Постояли горой.

Толя, Володя, Шурка, Петя, Зина и Валя были въ волненіи.

Случилось страшное происшествіе: няня Агаша разбила дорогую фаянсовую вазу въ гостиной, — вазу, которою такъ дорожила мама.

Мама, конечно, страшно разсердилась, позвала къ себѣ Агашу и строго выговорила ей. Напрасно Агаша увѣряла, что она не виновата, что это не она разбила, а собака Бобка, — мама не слушала ея.

— Завтра ты получишь расчетъ и можешь искать себѣ другого мѣста! — только и сказала она.

Ну это ли было не важное происшествіе?! Вся дѣтская была встревожена. Всѣ игры прекратились; смѣхъ, оживленный говоръ стихли; дѣти нахохлились, собрались въ кружокъ и таинственно шепчутся между собою...

Няня Агаша уходитъ! Ай, ай, ай!..

Это ужасное лишеніе!.. Кто будетъ ихъ такъ любить, какъ няня Агаша? Кто станетъ рассказывать такія славныя сказки, какъ она? Кто сумѣетъ занять каждаго и каждому дать занятіе? Разумѣется, никто!.. Но что же дѣлать, какъ быть?

А няня Агаша сидитъ на сундукѣ и плачетъ. Дѣти подступаютъ къ ней.

— Няня Агаша, мы не отпустимъ тебя отъ себя,—говорятъ они.

Сквозь слезы отвѣчаетъ няня:

— Охъ, милые мои, ненаглядные мои,—вѣкъ бы съ вами сама не разсталась!.. Да что жъ подѣлаешь? Вотъ какая бѣда случилась, и ежели бы я виновата была, ну, тогда подѣломъ мнѣ это, а то вѣдь не я разбила вазу-то!..

Дѣти поражены.

— Какъ не ты?..

— Бобка это, собачка наша!..

А Бобка тутъ же кружится, какъ ни въ чемъ не бывало, и визжить, и лаеть.

И повѣдала тутъ няня все по порядку, какъ дѣло было, какъ Бобка на столикъ бросился, скатерть зубами стянулъ и уронилъ вазу...

Выслушалъ няню самый старшій, Толя, подумалъ и говорить:

— Такъ ты все это мамѣ и объясни.

— Говорила, сердечный,—не вѣрять.

— То есть какъ же? Вѣдь все такъ и было, какъ-же не вѣрить?

— Говорять, обманываю я!.. А приставать,—робѣю я!..

Это было удивительно! Дѣти поражены еще больше; не поймутъ они, какъ это можно говорить о томъ, чего не было?!

— Такъ какъ же, однако, быть?—недоумѣваютъ дѣти.

— А такъ, родные, что надо мнѣ уходить отъ васъ прочь,—вотъ что!.. Да!..

И заплакала няня горше прежняго.

Поздно вечеромъ мама сидѣла у себя въ комнатѣ, когда осторожно отворилась дверь,

и въ комнату къ ней вошла толпа маленькихъ заговорщиковъ въ сопровожденіи Бобки, главнаго виновника.

— Чтò вы, дѣти?—удивилась мама.

— Есть дѣло!—дѣловито замѣтилъ Толя:—
Агаша не виновата... это Бобка.

— Да, да,— Бобка! — крикнули Володя и Шурка.

— Бобка,—пискнула Зина.

— Ббо!..—могла только вымолвить Валя.

А Бобка прыгаетъ, лаесть, бѣды не чуетъ.

— Бобка разыгрался съ кошкой,— прыгъ

на вазу,—ваза на бокъ и въ черепки!..—горячо продолжаетъ Толя,—ваза въ черепки,—трахъ!..

— Въ черепки, малюсенькіе черепки!.. подтвердили въ голосъ Володя и Шурка.

— И вотъ еще доказательства: когда услышали шумъ и вбѣжали въ комнату, Бобка запрятался подъ диванъ и трепаль тамъ букетъ изъ вазы.

— Да, да... трепаль!..—крикнули всѣ остальные дѣти...

— Агаша не при чемъ!.. Агаша не виновата. А Бобка—да!.. мы его уже полчаса въ углу продержали на заднихъ лапахъ и обычной порціи сахара за чаемъ не дали... Онъ—главный виновникъ! А еще въ наказаніе мы съ нимъ не будемъ больше играть въ продолженіе цѣлой недѣли. А Агаша не при чемъ!..

Можно ли было сердиться на заговорщиковъ, можно ли было не вѣрить ихъ горячимъ увѣреніямъ?

Улыбаясь, мама поднялась и сказала:

— Идите, дѣти, спать; если дѣло все такъ,—то, конечно, Агаша остается!..

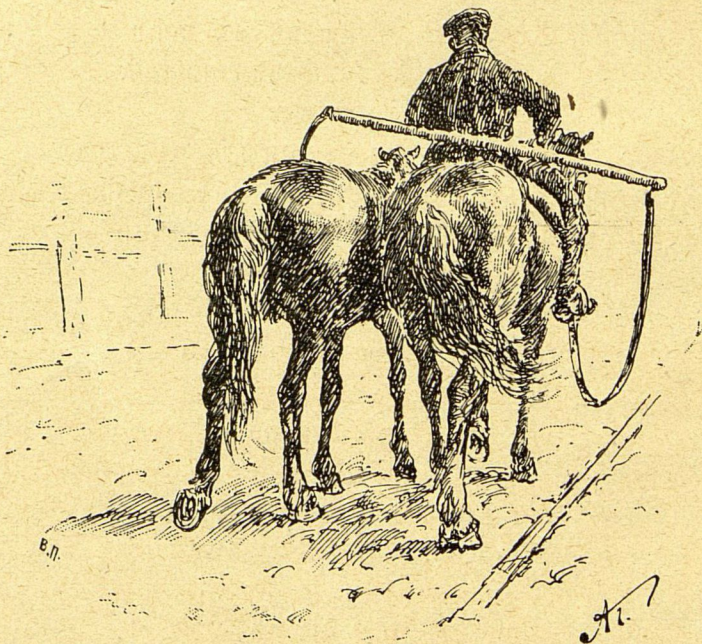
Это я называю,—«постояли горой».

Что хохоту, что возни, что писку было

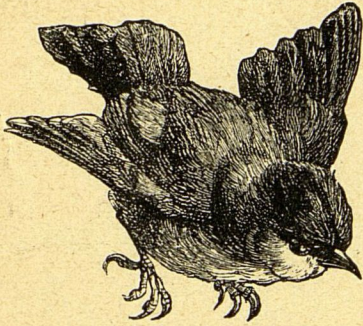
въ этотъ вечеръ въ дѣтской на радостяхъ,— оглохнуть можно было. Насилу заговорщиковъ уговорили и уложили спать.

А няня Агаша въ эту ночь долго не спала, она плакала отъ радости, на душѣ у нея было спокойно, и нѣсколько разъ подходила она къ кроватямъ своихъ защитниковъ и крестила ихъ, и все плакала, плакала...

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Съ работы на отдыхъ!

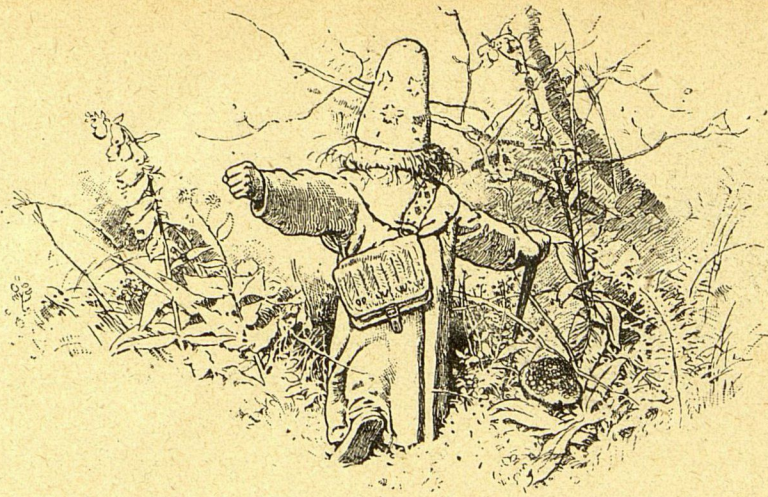
Звѣзды.

Звѣзды на небѣ зажглись...
Эти звѣзды, — молвятъ въ сказкѣ, —
Глазки тѣхъ дѣтей несчастныхъ,
Что въ несчастіи и горѣ
На землѣ сначала жили,

И томились, и страдали
Въ бѣдныхъ избахъ и въ палатахъ...
Богъ, внимая горю, — съ лаской
Ихъ беретъ къ Себѣ на небо;
И живутъ малютки въ небѣ
Жизнью тихой, безмятежной,
То играя, то летая
На своихъ воздушныхъ крыльяхъ
Легкихъ, свѣтлыхъ и блестящихъ
А когда подъ вечеръ солнце
Опускается на отдыхъ, —
Ихъ глаза сверкаютъ, блещутъ,
Словно свѣчи предъ иконою;
И глядятъ они, мерцая,
Съ грустью тайною на землю,
То съ укоромъ, то съ любовью...
Вы, малютки звѣзды-крошки,
Вы о насъ не забывайте
И о насъ передъ престоломъ
Богу вы напоминайте!..

П.

Медвѣдь и комаръ.

(Словацкая народная сказка).

Встрѣтился Медвѣдь съ Комаромъ. Медвѣдь и говорить:—«Ты, Комаръ, садись на всякую живую тварь и сосешь ее, — скажи мнѣ, чья кровь самая вкусная?»—Комаръ ему отвѣчаетъ:—«Людская кровь, безъ сомнѣнія, самая вкусная».

Хорошо; — собрался Медвѣдь за людскою кровью.—Встрѣчаетъ мальчика.—«Стой!»—кричить:—«ты человекъ?»—«Я еще только буду имъ!»—гордо отвѣчаетъ мальчикъ, подпрыгивая, словно онъ хотѣлъ сразу вырасти въ цѣ-

лаго человѣка.—«Ну, прыгай себѣ,—пробурчалъ Медвѣдь:—что мнѣ до того, что еще только будетъ когда-то».

Идетъ далѣе и встрѣчаетъ нищаго.—«Стой!»—кричитъ:—«ты человѣкъ?»—«Я ужь былъ имъ!»—отвѣчаетъ нищій.—«Ну,—пробурчалъ Медвѣдь»:—«что уже прошло, въ томъ мнѣ мало проку».

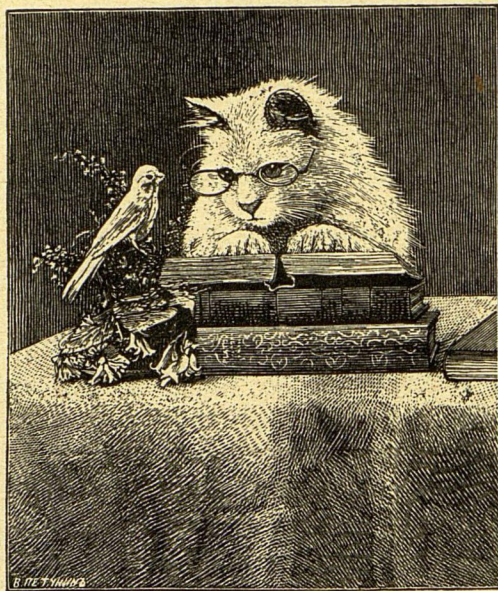
Идетъ дальше; встрѣчаетъ гусара на лошади.—«Стой!»—кричитъ:—«кто ты?»—«Человѣкъ съ головою!»—загремѣлъ гусаръ и погналъ лошадь. Но Медвѣдь—за нимъ по пятамъ, все ближе да ближе! Тогда гусаръ обернулся и ударилъ Медвѣдя саблей. Видитъ медвѣдь, что дѣло плохо, и давай Богъ ноги. А гусаръ, не теряя времени, сдернулъ еще карабинъ съ плеча и выпалилъ ему вслѣдъ.

Встрѣтился опять Медвѣдь съ Комаромъ:—«Ты, Комаръ, можетъ быть, и правъ, что людская кровь самая вкусная. Но только больше не подбивай меня на нее!»—«Что жъ такъ?»—засмѣялся Комаръ.—«Да то, что съ человѣкомъ шутки плохи. Я еще только догонялъ его, а онъ уже высунулъ на меня языкъ въ цѣлую сажень и ранилъ меня, хорошо, что не сильно! А потомъ онъ плюнулъ мнѣ въ бокъ бѣлою

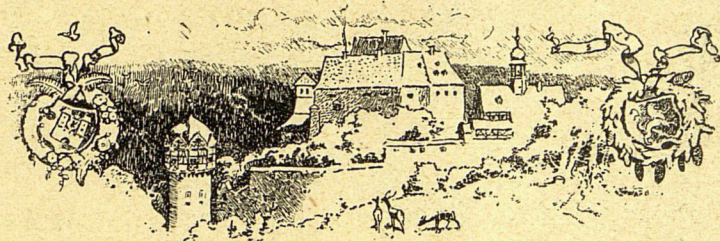
стрѣлою, такъ что я себя не помнилъ отъ боли; и теперь еще у меня зудитъ подъ кожею».

Юркій Комаръ трясся отъ смѣха надъ неловкимъ Медвѣдемъ, такъ что самъ чуть было не лопнулъ. Но этого быть не можетъ, потому что онъ совсѣмъ не жирный, хотя и пьетъ кровь изъ каждой живой твари.

Л. Нсвичъ.

Прилежный коташка!

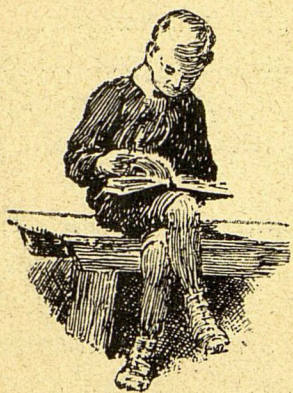
Посмотрите,—фруктовъ сколько
Я несу изъ сада,
Попросите меня только,—
Подѣлиться рада.
Выбирайте же скорѣе,
Что хотите сами!..
Вдвое будетъ мнѣ вкуснѣе
Бѣтъ ихъ вмѣстѣ съ вами...
Относитесь къ другимъ съ участіемъ,—
Самому случится
Своимъ горемъ или счастьемъ
Съ другомъ подѣлиться!..

С. Ж.

Посмотрите, — Фруктовъ сколько!

Весенній школьный праздникъ въ Москвѣ *).

„Весна идетъ! весна идетъ! читаешь
въ каждомъ взорѣ“.

„И тотъ, какъ празднику ей радъ, чья
жизнь—нужда и горе!“

Чудное зрѣлище видѣли мы 14 мая с. г. въ Сокольникахъ. Сюда собралось 5 тысячъ дѣтей, ученицъ и учениковъ, оканчивающихъ въ этомъ учебномъ году курсъ въ городскихъ думскихъ школахъ Москвы. Съ 9 час. утра съ разныхъ концовъ города шли въ стройномъ порядкѣ дѣти съ значками и флагами со своими учителями и учительницами, другія ѣхали на линейкахъ и конкахъ, и лошади ихъ были убраны цвѣтами.

У всѣхъ радостныя веселыя лица, всѣ спѣшили на праздникъ, боясь, какъ бы не опоздать! Сборъ былъ назначенъ къ 11 час. однимъ „близъ сокольничьяго круга“, а другимъ—у „старого гулянья“. Дѣти явились въ мѣсто назначенія гораздо раньше. Трубачъ далъ сигналъ, чтобы дѣти построились рядами, школа за школой. Безъ суетоки и толкотни выстроилась „дѣтская колонна“. Въ каждой группѣ былъ на древкѣ свой значекъ съ названіемъ школы, или же портретомъ Гоголя и Жуковскаго. Хоры военной музыки заиграли военный маршъ; подъ звуки его замаршировала „школьная дружина“ бодро и весело.

*) Праздникъ этотъ былъ устроенъ отъ Моск. Педагогич. Общества.

И на „кругу“, и на „гуляньи“ есть эстрады, а передъ ними поставлены стулья или скамейки, на которыхъ и размѣстились дѣти. Они удивительно хорошо себя держали въ ожиданіи исполненія программы, — не только громкихъ разговоровъ, а шепота не было слышно. Появляется большой хоръ, дѣтей различныхъ школъ. Подъ звуки музыки прекрасно, стройно исполняютъ народный гимнъ, повторяемый нѣсколько разъ; у исполнителей-дѣтей—сіяющія лица.

Послѣ этого начался „настоящій дѣтскій праздникъ“. На эстраду входятъ дѣти то поодинокѣ, то группами, произносятъ наизусть различныя стихотворенія и басни Жуковского а такъ же изъ сочиненій Гоголя. Вперемежку съ этимъ исполняются музыкальныя произведенія на слова Жуковского; кромѣ этого, пѣли и русскія народныя пѣсни.

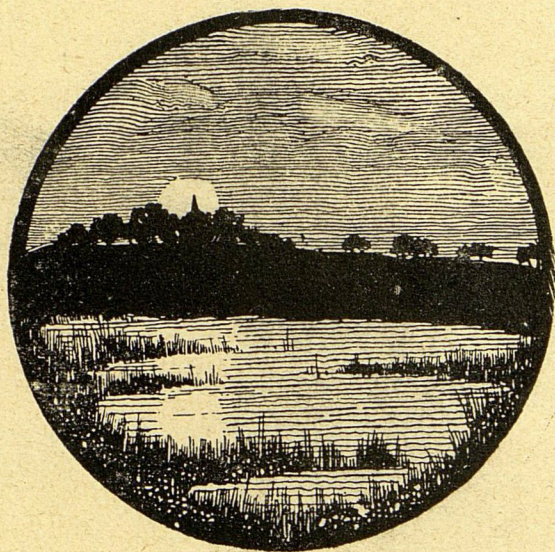
Послѣ этого былъ сдѣланъ перерывъ, во время котораго дѣти собрались на площадкахъ по школамъ. Порядокъ образцовый. Дѣтворѣ розданы были бутерброды, апельсины и мѣшечки со сладостями, а затѣмъ — по кружкѣ чаю. Въ слѣдующемъ второмъ отдѣленіи исполнителями явились гг. артисты, которые своимъ образцовымъ чтеніемъ и пѣніемъ доставили дѣтямъ величайшее удовольствіе. По окончаніи этихъ двухъ отдѣленій около 4-хъ часовъ школьники вновь выстроились на площадкахъ стройными рядами и подъ звуки марша направились по шоссе одной изъ просѣкъ Сокольничьей рощи на „Ширяево поле“, гдѣ устроена громадная площадка для дѣтскихъ игръ. Это шествіе было еще эффектиѣе, чѣмъ утромъ. „Школьная дружина“, чуть не въ три тысячи участниковъ, шла въ ногу по прямой, какъ стрѣла, просѣкѣ, представляя изъ себя, освѣщенную яркими лучами весенняго солнышка, разноцвѣтную, красивую живую ленту дѣтей.

А вотъ и площадка. Дѣти промаршировали по площадкѣ, съ одной стороны мальчики, а съ другой дѣвочки. Музыка кончилась, и дѣти рассыпались по всей площадкѣ. Начались

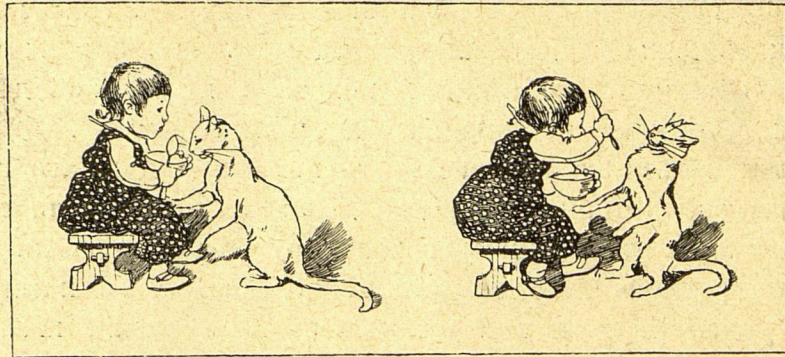
самыя разнообразныя игры. Дѣти чувствовали себя вполнѣ свободно, никто ихъ не стѣснялъ. Ихъ игрой, ихъ весельемъ увлекались даже и довольно солидные люди, которые вмѣшивались въ игру, смѣялись и хохотали вмѣстѣ съ дѣтьми; имъ было такъ же весело, какъ и „малымъ симъ“.

Да и нельзя не увлечься: изъ пыльнаго, душнаго города очутиться среди чудной природы, дышать ароматнымъ, смолистымъ воздухомъ! Рѣдкому городскому бѣдному ребенку знакома загородная природа. Надолго останется въ памяти не только у дѣтей, но и у взрослыхъ этотъ „майскій школьный праздникъ!..“

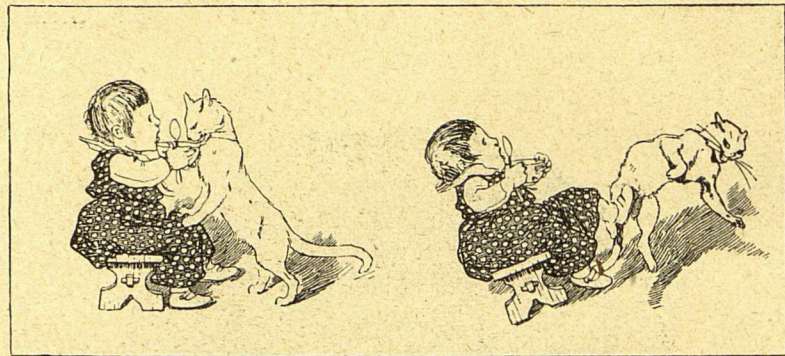
Дядя Андрей.

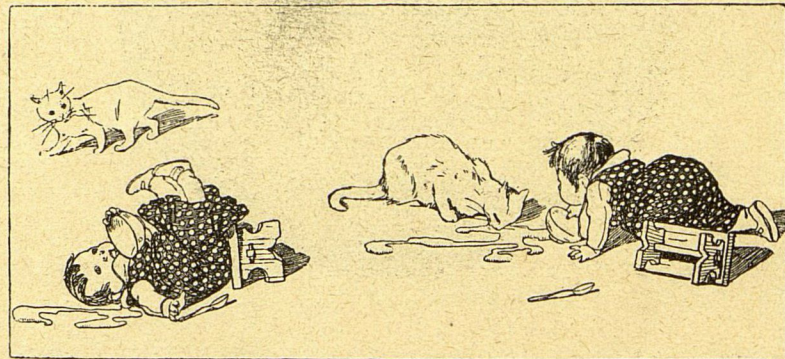
Лотѣшина страничка.
НАСТОЙЧИВАЯ КИСЕНЬКА.

II

III

Ахъ, Кисенькѣ по вкусу молоко!..
Но взять его у Тани не легко.
Какъ Киска ни хитрила, ни урчала,—
Но Тانيا прочь Коташку отгоняла

И наконецъ съ досады—только ея ногой!..
Да не сдержалась, Боже мой,—
И со своей скамьи упала,
Туть Киска молоко вчистую подлизала.